

Чу Цинюнь лишь хотел заставить этих назойливых мух заткнуться. Он вовсе не собирался мстить за каждую обиду, нанесённую Переселенцу в книгу. Заметив, что вокруг наконец воцарилась тишина, он не спеша опустился на стул напротив Шао Жаня.

— Послушай... — Шао Жань уставился на повязку на лбу Чу Цинюня. — Твоя рана... как ты себя чувствуешь? Получше?

Чу Цинюнь лениво отхлебнул соевого молока:

— Угу.

Напиток оказался не свежесожатым, а разводным, из порошка. Нахмурившись, юноша мысленно пожалел, что вообще его взял.

Заметив, как он помрачнел, сидевший напротив Шао Жань тихо извинился.

Чу Цинюнь как раз досадовал на то, что ему придётся давиться этой порошковой жижей до самого дна, и, услышав столь внезапное покаяние, недоумённо спросил:

— О чём ты?

— Да хватит уже!

Сидевший рядом с Шао Жанем парень, который до этого молча уплетал рис, бесцеремонно перебил своего соседа, не дав тому ни разу открыть рот:

— Подумаешь, он просто не успел тебя поймать, когда ты падал! Из-за твоего исчезновения на два дня мы выбились из графика репетиций, но Брат Жань слова тебе поперёк не сказал. С чего вдруг ты кривишься перед ним?

Этот вспыльчивый выпад заставил немного доселе участника мгновенно обрести голос. Чу Цинюнь медленно перевёл на него взгляд и удивлённо приподнял бровь.

Шоу «Пик актёрского мастерства» шло всего неделю. В первом выпуске пятнадцать актёров и пятнадцать актрис получили предварительные рейтинги, основанные на их коммерческой привлекательности. Затем десятка лидеров этого рейтинга набрала себе по два напарника. Шао Жань, начавший карьеру ещё ребёнком и имевший за плечами солидный опыт и преданную фанбазу, вопреки логике выбрал двух аутсайдеров из самого низа списка. Одним из них был Чу Цинюнь, а вторым — этот внезапно вскипевший парень, обычный паренёк из народа по имени Чэнь Сяоди.

Чу Цинюнь смотрел запись того вечера. Сразу после посещения уборной Переселенец в книгу

выглядел совершенно потерянным, лишившимся чувств. Шао Жань, вышедший следом, шёл за ним на некотором расстоянии, словно мучился сомнениями и не решался заговорить. Но прежде чем он успел нагнать парня, тот покачнулся и плашмя рухнул с лестницы, приложившись головой о ступеньку и потеряв сознание.

Тогда Шао Жань бросился к нему и попытался поднять, а перепуганный персонал в панике вызвал скорую.

Как объяснила Система, это внезапное и подозрительно своевременное падение случилось из-за того, что душа Переселенца в книгу в тот момент спешно покидала тело. Однако со стороны всё выглядело настолько нелепо, что многие зрители решили, будто парень попросту симулировал обморок, чтобы сбежать от обрушившегося на него хейта.

Но какова бы ни была истинная причина, Шао Жаню уж точно не за что было просить прощения.

Заметив, что Чу Цинюнь задумчиво разглядывает его, Чэнь Сяоди невольно струсил. Сегодня тот вернулся не просто невероятно похорошевшим, но и с таким видом, будто готов был крушить любого на своём пути, не щадя ни своих, ни чужих. Если этот безумец набросится на него так же, как только что на Чжоу Чи...

Однако Чу Цинюнь даже не подумал удостоить его ответом. Поняв наконец, в чём дело, он перевёл взгляд обратно на Шао Жана.

— К чему извинения? Ты стоял слишком далеко. Было бы чудом, если бы ты успел меня поймать.

С трудом проглотив очередную порцию пресного порошкового пойла, Чу Цинюнь добавил:

— С моей-то репутацией радоваться надо, что мне ещё пинка не дали, пока я валялся. А ты хотя бы позвал на помощь.

Едва он договорил, как сидевшая за соседним столом девушка, которая явно грела уши, не выдержала и прыснула со смеху.

— И что тут смешного?

Чу Цинюнь повернулся в сторону шума, мгновенно вычислив источник звука.

То ли потому, что двух человек он уже выставил отсюда в слезах, то ли из-за его невероятного хладнокровия и высокомерия, державших всех в напряжении, но обитатели столовой явно начали побаиваться этого непредсказуемого юноши. Поняв, что стала следующей мишенью, девушка тут же выпрямилась и замерла, точно так же, как секунду назад застыл Чэнь Сяоди.

Но безупречный профиль Чу Цинюня, лишённый прежней неряшливой чёлки, выглядел настолько завораживающе, что и девушка, и объектив оператора, поймавшие этот ракурс, на мгновение буквально лишились дара речи.

— Разве я не правду сказал? — требовательно спросил Чу Цинюнь.

В его голосе не было ни самоиронии, ни обиды — лишь кристально чистое недоумение. Он выглядел настолько искренним, что это даже слегка сгладило эффект от его неземной красоты. Встретившись с его обескураженным взглядом, девушка снова едва сдержала улыбку.

Перед камерами в прямом эфире даже злейший враг не посмел бы пройти мимо упавшего человека. С чего он вообще взял, что кто-то станет пинать его ногами? Уровень его самокритичности просто зашкаливал!

Зрители трансляции, наблюдавшие за сценой с того же ракурса, разделяли её замешательство.

— Ха-ха-ха, я сначала подумал, что он иронизирует, но он реально не понимает!

— Ну и дремучесть! Даже если ты кого-то терпеть не можешь, в приличном обществе на глазах у всех всё равно поднимешь ради приличия.

— Так ему плевать на приличия, вы же сами орали, что у него эмоциональный интеллект на нуле.

— Офигеть. Я думала, он так прессует Чжоу Чи из-за старых сплетен про настоящих и фальшивых наследников, чтобы хайпануть. А он просто режет правду-матку в глаза. Значит, он реально терпеть не может Чжоу Чи...

— И ради этого я тратила свои нервы и злилась? Получается, парень реально не от мира сего? Он что, дурачок?

— Народ, вы в своём уме? Из-за этой ерунды уже готовы его отмыть?

— Да никто его не отмывает, он по-прежнему грубиян. Просто никто не ожидал, что он настолько оторван от реальности. Кто в здравом уме всерьёз поверит, что его начнут пинать ногами при падении?

— Боже, какой он милый! Говорили же, что он вырос в нищете? Почему тогда он ведёт себя как капризный барчук, совершенно не знающий жизни? Ахахаха!

— Если честно, когда он ходил со своей чёлкой и ни с кем не разговаривал, он реально казался аутичным. А потом его захейтили, выдернули из его раковины, и он очнулся в дивном новом

мире, который вообще не понимает... Чёрт, это даже трогательно.

— Никакой пощады хейтеру! В чат нагнали ботов? Стоило ему вякнуть глупость, как все растаяли. Да он же просто псих, который бросается на всех подряд. Вот увидите, сейчас он и эту девчонку до слёз доведёт!

По ту сторону экрана девушка тоже уловила ход его мыслей. Едва сдерживая смех, она напустила на себя серьёзный вид, словно собиралась подыграть капризному ребёнку.

— Разве у кого-то поднялась бы нога на такого красавца? Я бы точно тебя подняла.

Но юноша уцепился совсем не за ту часть фразы:

— Ты считаешь... что я красивый?

Девушка не выдержала и весело фыркнула:

— Только не говори, что ты сам об этом не догадывался!

Чу Цинюнь слегка вскинул подбородок. На его лице отразилось искреннее недоумение — он не понимал, откуда взялся такой странный вопрос.

— Это очевидный факт. С чего бы мне его не знать?

Он со скучающим видом отвернулся, но уже через секунду снова уставился на неё:

— Значит, будь я уродом, ты бы преспокойно прошла мимо?

В зале грянул дружный хохот. И неважно, был ли этот смех добродушным или издевательским — гнетущая атмосфера в столовой мгновенно рассеялась.

— Да помогла бы я, помогла!

Девушка сделала глубокий вдох, пытаясь успокоить дыхание, и с улыбкой добавила:

— Ты вовсе не кажешься мне противным. Так что, какая бы у тебя ни была внешность, я бы всё равно пришла на выручку.

Получив наконец желаемый ответ, юноша заметно расслабился. Он задумчиво кивнул:

— Тогда вы очень добры, госпожа Хэ Юэ.

Получив столь торжественное звание «хорошего человека», Хэ Юэ на мгновение растерялась. Её приятно удивило то, что парень, с которым они ни разу не общались, знает, как её зовут. Сама она пришла на проект «с улицы», имела средний рейтинг и держалась в тени, почти как Чэнь Сяоди. И надо же — этот якобы неотёсанный сухарь без намёка на эмпатию умудрился запомнить её имя среди тридцати участников!

Хэ Юэ изначально относилась к тому редкому числу людей на проекте, кто не заглядывал в рот Чжоу Чи, а потому и к Чу Цинюню особой неприязни не испытывала. Искренне или нет, но этот жест внимания был ей приятен, и она с улыбкой ответила:

— Спасибо. Знаешь, а ты ведь тоже неплохой парень.

— Я знаю.

Чу Цинюнь медленно отвернулся, и опытный оператор тут же плавно повёл камеру вслед за движением его лица.

Его губы всё ещё были плотно сжаты, а подбородок высоко вздёрнут, но взгляд, со вчерашнего дня метавший громы и молнии, а сегодня успевший испепелить Чжоу Чи и его защитников, внезапно потеплел. В нём отразилась неподдельная, детская радость. Эти великолепные, влажные глаза, казалось, сияли изнутри. Даже те, кто питал к нему искреннюю неприязнь, невольно ловили себя на мысли, что хотят улыбнуться ему в ответ.

Зрители у экранов ловили себя на этом наваждении и недоумевали: как один только взгляд может передавать такую гамму сложных чувств? И тут же загорались любопытством: если даже лёгкий прищур делает его столь ослепительным, то каков же он, когда улыбается во весь голос?

Пока зрители смаковали его редкое преображение, Чу Цинюнь резко обернулся в третий раз, заставив Хэ Юэ, которая тихонько покатывалась со смеху, испуганно вздрогнуть.

— Послушай...

Он смущённо дёрнул уголком губ и неловко буркнул:

— Ты тоже... вполне ничего.

Хэ Юэ закрыла лицо ладонями, у неё даже уши запылали от подступающего хохота. Скопировав его же надменную манеру, она кокетливо ответила:

— Я знаю.

В ту же секунду тучи словно разошлись, пропустив тёплый солнечный луч. Тень, лежавшая на челе юноши, бесследно растаяла. Словно рухнула незримая стена или разрешилось давнее, мучительное противоречие. Прежний угрюмый Чу Цинюнь — тот колючий и неприступный боец, каким он казался ещё минуту назад, — наконец-то искренне, во весь голос рассмеялся, блеснув ровным рядом белоснежных зубов.

Чжоу Чи с самого дебюта выстраивал образ неунывающего оптимиста, пережившего семейную трагедию, привлекая аудиторию, жаждущую тепла и искренности. Его улыбку в прессе и фанатских пабликах часто называли «живым воплощением каноничного солнца из романов».

Однако по сравнению с этой редкой, выстраданной улыбкой Чу Цинюня, которая озарила экран наперекор всякому желанию её «владельца», наигранная жизнерадостность Чжоу Чи показалась блёклой и плоской.

Сидевшие позади ребята замерли с открытыми ртами. Даже тот кудрявый задира, что недавно отпускал язвительные шуточки, теперь смотрел на него ошеломлённо, и в его глазах промелькнула странная, неосознанная жалость.

Каким бы толстокожим ни был Чу Цинюнь, он не мог не заметить устремлённых на него взглядов. Улыбка тут же сошла с его лица. Он деланно откашлялся, в очередной раз выпрямил спину и, высоко задрав подбородок, легонько стукнул пластиковым стаканчиком с остатками напитка по столу перед Чэнь Сяоди:

— Ты ведь завёлся из-за того, что я нахмурился, верно?

Ещё во время разговора Чу Цинюня с Шао Жанем Чэнь Сяоди понял, что свалял дурака. Теперь он сидел пунцовый и лишь невнятно мычал в ответ.

Не собираясь выслушивать его лепет, Чу Цинюнь раздражённо взболтал мутную жижу в стакане:

— Я поморщился только потому, что эта гадость на вкус как мел, а переводить продукты грешно. Я не пытался выразить неуважение Шао Жаню. Теперь дошло?

Под дружный, уже не скрываемый смех окружающих Чэнь Сяоди готов был сквозь землю провалиться.

— По... понял я, понял.

Чу Цинюнь перевёл взгляд на Шао Жаня.

Тот весело улыбнулся:

— И мне всё ясно.

— О БОЖЕ! Что я сейчас увидела?!

— Так, секунду, я не догоняю. Выходит, Чу Цинюнь никакой не психопат, а обычный цундэрэ, который тает от малейшего комплимента?

— Ахаха, бедный ребёнок, в каких же условиях он рос, если обычные слова «ты мне не противен» вызвали у него такой восторг!

— Мне даже стыдно стало, что я его поливала грязью. Если подумать, он ведь жутко упрямый. Имея связи, честно пропахал все отборы с нуля. И его отношение к Чжоу Чи стабильно до неприличия — он его ненавидит и даже не пытается притворяться вежливым. Это же чертовски круто!

— Всё, я его фанатка. Даже если это тщательно продуманный образ, умоляю, не снимайте с него эту маску колючего котика!

— Боже, какой контраст! Раньше он казался забитой тенью, вчера пригрозил полицией, и я подумала: ну всё, парень встал на тропу безжалостной мести, в голове заиграл саундтрек из драмы. А он...

— Ахаха, если Цинюнь — это обманутая жертва из сериала, то Чжоу Чи — коварная разлучница? То есть он злится на него просто за то, что тот «носит его шмотки»?

— Его разговор с Чэнь Сяоди — это шедевр! Читается как: «Я не собирался говорить с глупыми людьми, но раз уж Хэ Юэ меня похвалила, я побуду снисходительным». Ребята, можно я буду шипперить его с Хэ Юэ?

— Вы что, дебилы? Ведётесь на такую дешёвую уловку!

— Хейтеры Чу Цинюня пользуются тем, что Пруды сейчас сидят на индивидуальной трансляции своего кумира, и пытаются пропихнуть эту чушь? Совсем страх потеряли?

— Кривой оскал у него, а не улыбка! Если вас так легко переубедить, мне искренне жаль ваш интеллект.

— Какая наглость! Сейчас «Сестрицы-Пруды» придут и устроят вам сладкую жизнь!

— Да плевать мне. Раз доказано, что он ни у кого место не крал, пускай себе вредничает. Обожаю капризных красавцев!

В соседней аппаратной режиссёры и операторы, сжимавшие в руках рации и готовые в любой момент переключить ракурс, тоже не смогли сдержать улыбок.

— Режиссёр Фэн, а вы ведь уверяли, что если мы вернём Чу Цинюня, он всё равно долго на шоу не продержится, — весело поддразнил его ассистент.

— Разве я такое говорил? — Главный режиссёр поправил очки. — Я помню только свои слова о том, что если держать его в кадре, у нас всегда будут высокие рейтинги.

— Вы сказали не «рейтинги», а «скандалы и драмы», — вставил свои пять копеек оператор пульта.

Режиссёр недовольно цыкнул и зыркнул на шутника, но затем, словно вспомнив о чём-то, тихо вздохнул:

— Да уж... Кто бы мог подумать, что я так ошибусь.

Постукивая доньшком бумажного стаканчика по столешнице, Чу Цинюнь смерил Чэнь Сяоди взглядом — высокомерным и по-детски торжествующим. Но на самом деле сквозь бедного парня он мысленно смотрел на того ничтожного Переселенца в книгу, который в панике бросил его тело и убрался восвояси.

Что теперь напишут зрители по ту сторону экрана? Назовут его нелюдимым? Милым букой? Спишут всё на неумение общаться или просто простят вздорный характер за красивое лицо? В любом случае, образ завистливого деревенского дурачка с уязвлённым эго и злобного неудачника рассыпался в прах.

«Посмотрите на их лица. Как вам моя игра? Достаточно убедительно, чтобы отмыть репутацию?»

У него за плечами был всего год подготовки к творческому конкурсу — совсем ещё зелёный, неопытный актёр.

«Имея в распоряжении моё лицо, разрушив жизнь моей матери, учась в моём университете и владея сценарием главного героя... ты всё равно умудрился с треском провалиться».

«Мне же, чтобы начать разгребать оставленный тобой хаос, потребовалось лишь одно включение камеры и пара точных эмоций. Этого хватило, чтобы перетянуть на свою сторону большинство... ладно, проявим скромность — хотя бы тех, кто сейчас находится в этой комнате».

«Хочешь знать почему?»

Буквально в паре километров от съёмочного павильона «Пика актёрского мастерства», в тесной съёмной квартире, статный молодой человек в безупречном деловом костюме сжимал в руках телефон и орал во всю глотку:

— А-а-а-а-а!

Затем, прижав мобильник к груди, он под ошарашенным взглядом хозяина квартиры рухнул на продавленный диван и принялся кататься по нему от восторга.

Сделав пару оборотов, он пружинисто вскочил, подбежал к окну и, картинно воздев дрожащие руки к небу, патетично выкрикнул:

— Я так и знал! Так и знал! Никто в этом подлом мире не сравнится с ним в хитроумии и злопамятности! Его гнев обернётся карающим клинком из первозданной тьмы, который сокрушит любого на своём пути! Я угадал! Мой план сработал!

За компьютерным столом в углу сидел короткостриженный парень. На его лице отражалась глубокая скорбь. Знал бы он заранее, к чему приведёт жажда наживы, ни за какие коврижки не пустил бы этого сумасшедшего на порог. Получил свои законные пару тысяч за накрутку комментариев — и сидел бы сейчас тихим, счастливым фрилансером!

Натянув фальшивую улыбку, он осторожно, стараясь не делать резких движений, подошёл к гостю:

— Уважаемый босс... вы сейчас какую-то классику декламировали?

— Классику? — Мужчина мгновенно перестал кривляться и презрительно фыркнул: — Да так, бульварное чтиво.

«Тогда какого чёрта ты орёшь это на всю ивановскую?!» — мысленно взвыл Короткостриженный.

Закатив глаза, парень попытался зайти с другой стороны, неумело подбирая комплименты:

— Босс, ветер в комментариях сменил направление. Люди у экранов ведь не слепые. Мои боты даже толком поработать не успели, а зрители уже разглядели, что ваш кумир... как бы это выразиться... чист душой и невероятно прекрасен лицом! Если честно, даже я, пока мониторил эфир, чуть в него не влюбился. Так что вы зря тратите деньги на накрутку. Может, на сегодня

закончим?..

Короткостриженный едва не прослезился от собственной честности. Надо же, настал день, когда он добровольно отказывается от лёгкого заработка ради спасения своего душевного покоя!

Однако работодатель его порыва не оценил. Вместо ответа он небрежно вытащил из кармана увесистую пачку купюр — на глаз там было не меньше пятидесяти тысяч.

— Мало. Я буду надиктовывать, а ты — строчить. Пиши всё, что я скажу, постоянно меняй профили. Работаем дальше.

— Слушаюсь, шеф!

Короткостриженный мигом сцапал деньги и с энтузиазмом вернулся за клавиатуру.

— Слушай... может... — робко начал Чэнь Сяоди.

В столовой он поднял голову и виновато посмотрел на Чу Цинюня, который всё ещё буравил его тяжёлым взглядом:

— Хочешь, я допью за тебя это молоко?

Чу Цинюнь удивлённо приподнял бровь:

— Допьёшь за мной?

Чэнь Сяоди закивал:

— Да мне не брезгливо!

Ответа долго не следовало. Когда парень наконец решился поднять глаза, то натолкнулся на красноречивый взгляд Чу Цинюня, который смотрел на него как на законченного идиота.

Только тут до Чэнь Сяоди дошло, насколько двусмысленно прозвучало его предложение. Густо покраснев, он замахал руками:

— Нет-нет, я вовсе не то имел в виду!..

— А ты смельчак, — протянул Чу Цинюнь.

Каждое его слово ловили с десятков ушей. Несколько участников, которые давно закончили с обедом, продолжали сидеть за столами, бесцельно ковыряя палочками в пустых тарелках, лишь бы не упустить развязку.

Затаив дыхание, они слышали продолжение:

— Не боишься подхватить от меня гепатит В?

Логика Чу Цинюня в очередной раз совершила немыслимый кульбит, зайдя с абсолютно непредсказуемой стороны.

Свидетели сцены одновременно прыснули.

В чате покатались смайлики: «Ахахаха!»

Чэнь Сяоди застыл с полуоткрытым ртом, запутавшись окончательно:

— Чего?..

С видом умудрённого опытом лектора, только что прочитавшего лекцию по гигиене, Чу Цинюнь грациозно поднялся из-за стола и пододвинул стаканчик поближе к парню:

— Ладно, пей спокойно. Я здоров.

С этими словами он одёрнул куртку, бросил напарникам короткое «Жду вас в репетиционном зале, как закончите» и не торопясь направился к выходу. Его уход из столовой выглядел так же эффектно, как и появление, изящно закольцевав эту сцену.

Стоило дверям за ним захлопнуться, как столовая буквально взорвалась хохотом. Со всех сторон полетели шуточки:

— Давай, Сяоди, пей! Тебе же разрешили! Ахахаха!

В этот момент из динамика под потолком раздался весёлый голос режиссёра, который частенько подкалывал участников по громкой связи:

— Чэнь Сяоди, пей без опаски. Перед стартом шоу все сдавали анализы. У него точно ничего нет.

Заливаясь пунцовой краской под улюлюканье толпы, Чэнь Сяоди залпом осушил стаканчик с соевым молоком, которое на вкус оказалось самым обыкновенным.

<http://bllate.org/book/20480/2112248>